

Виктор САДОВСКИЙ

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Садовский Виктор Фёдорович родился в 1947 году в станице Курчанской Темрюкского района Краснодарского края. Автор нескольких поэтических сборников и многих песен на стихи орловских поэтов, гимна-марша орловских казаков. Стихи публиковались в коллективных сборниках и периодической печати. Книга стихотворений «Оберег» переведена на английский язык. Лауреат всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Союза писателей России, Союза журналистов РФ. Поэт, музыкант, композитор, собиратель и исполнитель казачьих народных песен. Живёт в Орле.

ШУРУП

Невероятное приключение, случившееся с потомком известного русского умельца

Однажды в Туле, на закате солнца
К избушке ветхой, где туман клубился,
Похожий на тарелку кверху донцем
Объект какой-то с неба опустился.

На тот момент, склонившись к наковальне,
Прищурился глаз, работал в хате мастер.
Он не заметил, как сквозь стену спальни
Проникли двое и сказали: «Здравствуйте!»

Левша, – так звали местного умельца, –
Поскольку занят был не праздным делом,
Спросил не отрываясь:
– Что вам, немцы?
Опять в часах кукушка захрипела?
Я ж говорил, сменить у этой птицы
Немецкий голос надобно на русский.
Она морозу нашего боится,
А посему хрипит, как сторож прусский.

– Вот, мастер, приключилась незадача,
Пришлось нежданно в Туле приземлиться:
Шуруп сломался в межпланетной качке –
Нужна починка нашей колеснице.
До Марса целый год ещё полёта,
И до Луны, боимся, не дотянем.
Надежда лишь на вас. Найдётся что-то,
Мы за любой ценой стоять не станем.

И, оторвавшись от блохи с подковой,
Остолбенел Левша от удивленья.
Он в жизни не видал ещё такого:
По горнице гуляют привиденья.
Глаза – что плоски,
Ростом неказисты,
На узких лбах глубокие морщины.
На первый взгляд им точно лет по триста,
И непонятно – женщины ль, мужчины...

Левша, крестом широким осеняясь,
Шептал:
– Свят, свят... Анафема, изыди!
Я нынче трезв!
Намедни – было, каюсь!
Так ведь никто ж как будто не в обиде...

Потёр глаза пудовым кулачищем,
Пожал плечами: «Дверью не скрипели,
Но как вошли они в моё жилище?
Как незаметно прошмыгнуть успели?
Неужто по трубе? Как домовые?
Так нет же: вся белёшенька одежда.
Видать, и правда, гости – неземные.
А я их тут встречаю как невежда».

– Да вы, – развёл руками, – проходите.
Я тут вожусь с одной заморской штукой –

На ней сломал все пальцы мой родитель,
И мне передалась его наука...
Так что стряслось? А ну-ка, дайте, гляну...
Деталька, скажем прямо, грубовата.
Я дверь свою такой крепить не стану:
Металл – дерьмо! Закалки маловато.
Ковал я тут намедни сталь булатну,
Как раз к шурупам заготовки делал.
Резьбу нарежу и вкручу бесплатно,
Чтоб колесница ваша полетела.
Мы ж как-никак вселенские соседи,
Не помогать друг дружке – не годится.
Глядишь, бог даст, и мы на Марс приедем,
И с нами может всякое случиться...
Шуруп готов. За качество ручаюсь,
А золотых монет давать не нужно.
Мы здесь за так соседей выручаем.
Для русских нет дороже чувства дружбы.
Ведите к колеснице, сам прилажу,
Чтобы сомнений – даже ни на йоту,
И нареканий мне от экипажу
Чтоб тоже не досталось за работу.

И он хотел уж было по привычке
Дверь распахнуть ногой перед гостями,
Но те прощобетали как синички:
– Пойдёмте, мастер, через стену с нами.

И взяв его под локти, марсиане,
Минуя дверь, легко прошли сквозь стену.
Левша глаза зажмурил от сиянья,
Что радугой взошло над стогом сена...

Когда же снова распахнул ресницы, –
Как будто подавился чёрствым хлебом:
Надеялся увидеть колесницу,
А тут – гигантский гриб закрыл полнеба.

Покачиваясь медленно на ножке,
Он излучал цветные фейерверки.
– Да-а, – протянул Левша, – такую блошку
Не разместить в поющей табакерке...

За этой мыслью даже не заметил,
Как внутрь гриба вошли они без трапа,
Там, в глубине угла при тусклом свете,
Сидел мужик, похожий на арапа.
Он бил себя ладонью по макушке
И завывал бессвязно и утробно
(Так мужа потерявшая старушка,
Рыдая, убивается над гробом).

– Что с ним? – спросил Левша. – Какое горе?
Глаза глядят бессмысленно и тупо.

– Случился резкий сбой в его моторе,
Разладилась система без шурупа.
Когда мы в спячку долгую впадаем,
Он управляет всей этой машиной,
Был президентом его предок дальний,
Зовут Бараком. Человек-машина.
Мы, души все, что распрощались с телом,
И все мозги с других планет вселенной
Храним на Марсе и пускаем в дело,
Поскольку этот материал – нетленный.
Создай ему любую оболочку
И отправляй на тяжкую работу...

– Всё, как у нас: есть барские сыночки, –
Сказал Левша, – а есть и в лапоточках,
Что спины гнут, мешая землю с потом.
Так значит, не шурупит, говорите?

– Ну да, чуть что, так сразу лезет в драку.

– А ну-ка, марсиане, отойдите,
Я успокою буйного Бараку.
У нас, у русских, есть такое слово, –
Любого зверя делает ягнёнком.
Боюсь я, вам не выдержать такого,
Постойте лучше, милые, в сторонке...

Уж что там говорил Бараке мастер –
Большой секрет народного умельца,
Но только поутихли в парне страсти,
И снова ровно застучало сердце.
Смолистое лицо порозовело,
В глазах зажглись живительные искры.

– Ну вот, – сказал Левша. – Всего-то дела –
На пару рюмок аглицкого виски.
Причина сбоя тут была простая:
Что ж вы, шуруп – в смышлённую машину!
К тому же из такой паршивой стали.
Он, всё же, человек наполовину,
А стало быть, и с ним держись как ровня,
И отдохнуть давай в дороге дальней,
Ведь нет у вас других, его окрёмя,
Как у меня – окрёмя наковальни!
Шурупами не крепят узы дружбы,
Но добрым словом, делом добрым крепят.
Благодари товарища за службу,
И верной службой друг тебе ответит.

К таким нравоучениям пришельцы
Совсем, как видно, были не готовы,
Но уши их – прорубленные щельца –
Заметно расширились с каждым словом.

– Любезный мастер, вы мудрец, философ.
У нас таких уж днём с огнём не сыщешь.
Мы не решаем нравственных вопросов,
Как вы в своих убогоньких жилищах.
Чем отплатить за работа, не знаем:
Вы – в нищете, но к злату равнодушны.
А может, любопытства ради с нами
Прокатитесь в пространстве безвоздушном?
Со стороны на Землю поглядите.
Такой красивой рядом нет планеты,
Где вы, как нам казалось, сладко спите,
Как спят в утробе материнской дети.
Вас не гнетут вселенские заботы,
От коих мы – уже не человеки,
Порой в душе и защежит вдруг что-то,
Но тут же и угаснет вновь навеки.
Бессмертье не даёт душе отрады,
В нём нет страстей, нет искренних печалей.
Тех мелочей, что вам приносят радость,
На Марсе мы уже не замечаем.

– Послушать вас, – сказал Левша, – так скука
Всю жизнь на Марсе, как сквозняк, пронзает
И по наследству переходит к внукам,
Что будет завтра, всяк заранее знает.
Не то у нас. Вы правы, с божьим словом
Идём ко сну и новый день встречаем,
К друзьям – добры, а к недругам – суровы,
В родной земле души своей не чаем.
Хоть всяк чужак горазд пинать Россию,
Наш государь – дай Бог ему терпенья! –
Взывает к миру, но копёт и силу
На все дурные их поползновенья.
И то неправда, что в простых заботах
Мы к Небесам не устремляем взоры.
Есть на Руси немало доброхотов
Разведывать небесные просторы.
Порой и я на Марс гляжу ночами,
И мысль свербит: а почему он красный?
Неужто у вас ружья кирпичами
Солдаты чистят при погоде ясной?!

Мы так не чистим, почитай, лет двести.
Я вам сейчас большой секрет открою:
Совсем не чистим... Но и в гиблом месте
Ружьё у нас всегда готово к бою,
В него хоть ты песку насыпь полдула,
В болото брось – и всё равно стреляет.
О том, что есть на свете город Тула,
По ружьям всякий басурманин знает.
Ребят у нас немало башковитых.
Веками удивляют всю Европу:
Хоть водки без закуски выпить литру,
Хоть подковать блоху без мелкоскопу...
У нас есть поговорка «Делу – время!
Потехе – час!» И то короткий очень.
Пора и вам, пришельцы. Ногу – в стремя!
А мне ещё с блохой корпеть полночи...
Сказать по правде, други марсиане,
Слетать к вам в гости мне не помешало б,
Но что с заказом делать для Британи?
Они ж Москву завалят кучей жалоб.
И туляки, конечно же, осудят:
«Продался! – скажут. – Поздно раскусили».
Пусть лучше всё как было, так и будет:
Вам – красный Марс, мне – уголок России.

Левша, прощаясь, подошёл к Бараке,
Обнял за плечи и сказал на ухо:
– Обидят если, не склоняйся к драке,
А отбивайся русской наукой.
Слова запомни, что сказал тебе я
В начале этой необычной встречи.
От них даже медведь в лесу робеет,
Когда бороться с зверем больше нечем.

Мужик-машина рухнул на колени
И молвил, руку мастера целуя:
– О, мудрый целовека, руськи гений,
Всё без шурупа в память запишу я...

Тут всё внезапно громко загудело
И растворилось, как в густом тумане...

Левша очнулся за привычным делом.
Пред ним подковка звёздочкой блестела
И сломанный шуруп на наковальне.